

«Я знал Ермилу Гирина»

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Сегодня в музее-усадьбе «Карабиха» в сороковой раз проходит Некрасовский праздник поэзии. Творчество Некрасова всегда вызывало интерес не только поклонников изящного слова, но и исследователей – литературоведов, историков, краеведов. Результатами новых изысканий делится с читателями «Северного края» заведующий филиалом «Аббакумцево – Грешнево» Государственного литературного мемориального музея-оведника Н. А. Некрасова «Карабиха» Григорий Красильников.

В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» крестьяне в поисках счастливого почти нашли его в старосте Ермиле Гирине. За честность и принципиальность он снискал любовь и уважение всей округи. Имел «и спокойствие, и деньги, и почет». Однако и с ним «был случай»: «...из рекрутчины Меньшого брата Дмитрия повыгородил он». А вместо брата на военную службу забрали другого парня. Сильно затосковал после этого Ермил, чуть руки на себя не наложил. Покаялся отцу:

*С тех пор,
как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!*

Здесь следует пояснить: по рекрутскому уставу, узаконенному в 1810 году, сельская община отдавала на военную службу помещичьих крестьян по очереди из каждой семьи вплоть до введения устава о всеобщей воинской повинности 1874 года. Допускалась замена рекрута путем найма заместителя. Но добровольный характер найма на службу «охотников» существовал только на бумаге. Помещики забивали лбы своим крепостным, как правило, по собственному усмотрению.

Прототипом Ермилы, как полагают историки литературы, послужил Александр Дементьевич Потанин, управляющий владимирской вотчиной помещиков Орловых. В повести «Тонкий человек» Некрасов рассказал о том, как вместо сына этого старосты крестьяне вне очереди сдали в рекруты сына вдовы – Силантия. Возмущенный Потанин отменил их решение, и сам отвез в город своего сына Григория. На самом деле у Потанина детей не было. Поэт сочинил этот рассказ, чтобы еще больше расположить читателей к народному управителю.

Не следует забывать, конечно, и о том, что художественный образ многопланов и обобщен и в отличие от реального лица существует в рамках вымышленного пространства. Поэтому и прототип Гирина следует искать не только во владимирских, но и родных Некрасову ярославских землях.

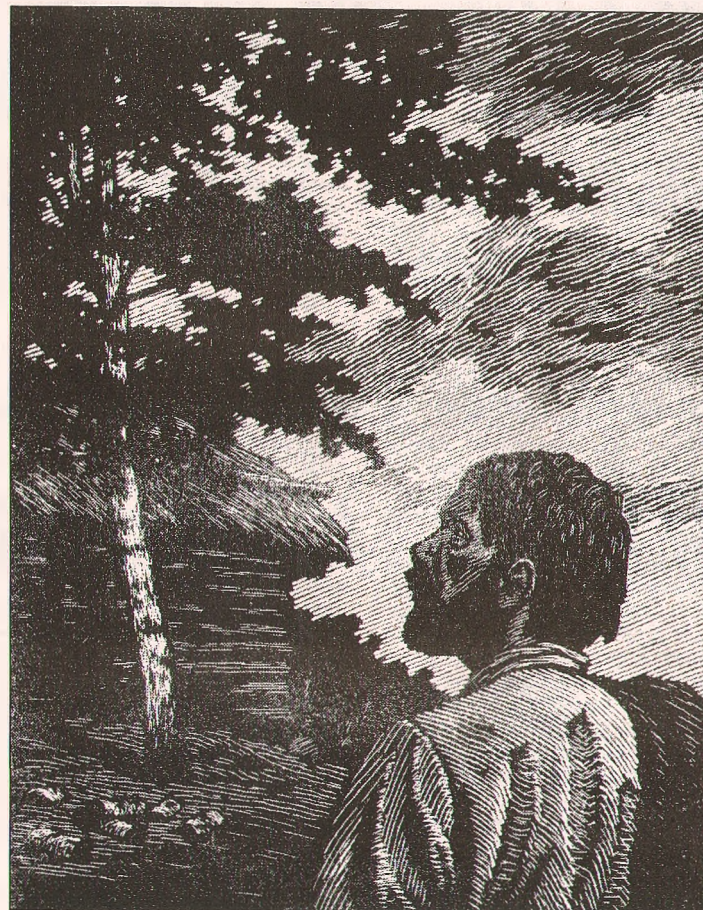
Случай, произошедший в деревне Клин Даниловского уезда 30 июля 1858 года, всколыхнул всю округу своей непредсказуемостью и жестокостью. Староста Константин Игнатьевич Молодов хлебным но-

жом зарезал десятимесячного сына Дмитрия, в котором до этого «души не чаял».

Убийца сознался, что преступление совершил «без обдуманного заранее намерения, а по внушению какого-то невидимого голоса», требовавшего смерти сына. Находясь в болезненном состоянии целую неделю, он испытывал «сильную слабость в теле при необыкновенной тоске». Ему представлялись «плавные» человеческие тени, которые требовали от него весьма ясным шепотом самоубийства. И после смерти младенца тени являлись к крестьянину, воспрещали ему чистосердечно раскаяться в преступлении и «даже сложить крест и произнести молитву».

Родственники Молодова и соседи по деревне на следствии показали, что 41-летний мужчина образ жизни вел трезвый, был хороший домохозяин, в семействе ни с кем не ссорился, троих детей своих горячо любил, в свободное время читал церковные книги, к которым «имел большую и постоянную привязанность». Как староста притеснений никому не делал, стараясь по возможности оказать всем снисхождение. Во время крестного хода из села Шахова, который происходил накануне случившегося, односельчане обратили внимание, что Молодов «при совершении молебствия был как будто равнодушен», что за ним ранее не замечалось.

Рассказали свидетели и о причине «тоски» и «задумчивости» старосты, которую он не скрывал. По доверенности барыни своей Марии Платоновны фон Баумгартен вынужден был Молодов отдать крестьянина, «охотника» Осипа Иванова в

военную службу за семейство крестьянина Александра Ивановича Брускова. Отдачу эту староста относил «на свою совесть». Впрочем, эти показания для судебных чиновников значения не имели. Внимание следствия было сосредоточено на другом факте: в 1848 году Молодов был «одержим помещицеством ума», как значилось по скорбному листу киевской Кирилловской больницы. Пробыв там полтора месяца,

крестьянин был отдан на попечение брата Ивана.

Судебная переписка, врачебное освидетельствование умственных способностей Молодова заняли продолжительное время. О нем, помещенном на лечение в Ярославскую городскую больницу, почти забыли. Поэтому в октябре 1860 года новый клиновский староста обратился с просьбой о взятии крестьянина «к себе в вотчину на поручительство». Раз-

решение такое было дано, и жену Молодова в мае 1861 года вызвали в Даниловский уездный суд для оглашения указа Ярославской палаты уголовного суда и взятии соответствующей подписки. Решением суда крестьянка «осталась довольна», добавив при этом, что муж ее «в настоящем году уже умер», а денег в количестве 4 рублей, следующих за прогоны (плата чиновникам за проезд на почтовых лошадях), она сейчас не имеет и казне возратить не может.

Известно, что Николай Некрасов в деревне Клин останавливался во время охоты. Здесь проживали родственники его приятеля, крестьянина из деревни Орлово Кузмы Солнышкова (эта деревня также принадлежала госпоже Баумгартен). Исследователь А.В. Попов не без основания находил соответствия между селом Клин в вышеназванной поэме с реальной деревней Клин. Кстати, не следует забывать, что и во владимирском поместье Некрасовых имелось село с таким же названием. А это опять же свидетельствует о собирательном характере некрасовских образов.

Мог также Некрасов узнать о старосте Молодове и от священника села Аббакумцево Иоанна Зыкова, с которым был в большой дружбе. Не случайно именно «попик седенький» из поэмы «знал» Ермилу Гирина и сообщил крестьянам-странникам о его судьбе: во время народных волнений управляющий был посажен в острог. Обстоятельства случившегося Некрасов, правда, не прояснил. Да и сам вопрос, поставленный им в заголовке эпического произведения, остался без ответа.

Григорий КРАСИЛЬНИКОВ.